

С. Л. ФРАНК

Возрождение славянофильства

Недавно возникшее в Москве книгоиздательство «Путь», в составе участников которого упоминаются имена Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого и др., является органом нового, сложившегося, главным образом, за последнее десятилетие, течения русской общественно-философской мысли. Среди господствующей безыдейности и сумятицы общественной мысли, перед лицом идейного консерватизма и поклонения внешним формулам и традиционным лозунгам, это течение, поддерживаемое даровитыми, образованными, серьезно мыслящими людьми, должно быть приветствуемо, как важное явление свободного духовного творчества, всеми, кто ощущает потребность во внутреннем возрождении нашей общественной мысли и жизни. Этому течению еще предстоит выявить свое жизненное содержание, определить свое отношение к конкретным проблемам современной общественности. Но и теперь точка зрения, из которой оно исходит, в общем уже уяснилась. В исторической связи она может быть точнее всего обозначена как *возрождение славянофильства*. С славянофильством это новое мировоззрение роднит вера в особое назначение России (как бы ни определялось далее отношение русской культуры к западной), критическое отношение к «рассудочности» западной мысли и жизни, и стремление к выявлению творческих начал национальной религии — православия. Мы имеем перед собой, во всяком случае, попытку возродить — в новой форме и под влиянием новых запросов жизни — те основные мотивы, которые были присущи славянофильскому жизнепониманию в его первой, благородной и духовно-богатой форме. Ближайшее будущее должно показать, в какой мере такая попытка осуществима и плодотворна, и насколько это мировоззрение окажется в силах, при своем жизненном развитии, уберечься от угрожа-

ющих ему односторонностей — от сплошного отрицания индивидуалистического и рационально-научного начала современной культуры, и от слепого поклонения стихийным началам народного духа.

Первая попытка коллективного творчества группы писателей, объединившихся вокруг «Пути», представлена в изданном недавно сборнике о Вл. Соловьеве*. Оригинальное и богатое мировоззрение Вл. Соловьева оказало более или менее определяющее влияние на большинство участников сборника, и в личности и творчестве Соловьева они видят один из самых ярких образцов и воплощения своего умунастроения. Вместе с тем, однако, Вл. Соловьев не только исторически принадлежит к иной, уже прошедшей духовной атмосфере, но и, в силу личных особенностей своего творчества, вмещал в своем мировоззрении столь много разнородных начал, что в целом и без более или менее существенных поправок это мировоззрение неприемлемо ни для какого современного направления мысли. Самое своеобразное в *форме* мировоззрения Вл. Соловьева есть какое-то наивное сочетание мистицизма с рационализмом; мы встречаем у него — по справедливому замечанию кн. Е. Н. Трубецкого — «полнейшую мистификацию всего природного, существенного, и рядом с этим — поразительно смелую, подчас дерзкую рационализацию мистического». Конечно, сам факт такого сочетания свидетельствует о силе и богатстве духа Соловьева, но он же показывает, что Соловьев не ощущал эти контрасты так остро, как их неизбежно должны сознавать в настоящее время люди даже гораздо меньшей образованности и силы ума. Поэтому попытка изобразить творчество Вл. Соловьева и направить внимание современников на то положительное, что в нем содержится, при добросовестном и внимательном отношении к этой задаче, непременно требуют указания на устаревшие или неприемлемые с той или иной точки зрения черты мировоззрения Соловьева. Это применимо, в частности, и к оценке Соловьева писателями рассматриваемого направления, так как и противоположность между мотивами западничества и славянофильства, при всей широте в постановке этого вопроса у Соловьева, не была им осознана до конца.

К сожалению, в большинстве статей сборника «Пути» о Вл. Соловьеве, в общем дает себя слишком чувствовать чисто апологетическая тенденция. Эта тенденция, конечно, вполне естествен-

---

* Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. 222 с. Ц. 1 р. 60 к.

на в отношении мыслителя, высоко ценимого участниками сборника и еще недостаточно, как они полагают, оцененного общественным мнением; кроме того, следует учесть и происхождение статей: большинство из них суть доклады, прочитанные в память 10-летия смерти Соловьева. Но все же приходится пожалеть, что такие соображения не позволили некоторым авторам более отчетливо определить свое отношение к индивидуальным особенностям творчества Вл. Соловьева. Статья *С. Н. Булгакова* «Природа в философии Вл. Соловьева», которую открывается сборник, красиво и с увлечением излагает спиритуалистическую натурфилософию Вл. Соловьева, противопоставляя ее материализму и субъективному идеализму; однако черты, существенно отличающие эту систему от других аналогичных концепций (напр., Шеллинга), остаются философски не уясненными, а там, где *С. Н. Булгаков* касается самого характерного в этом отношении у Вл. Соловьева понятия «Богоматерии»), он не исследует философских и религиозных трудностей этого понятия. Философски интересная статья *Вяч. Иванова* «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания» дает любопытные сопоставления Соловьева с Толстым и Достоевским, но есть не столько объективная оценка Вл. Соловьева, сколько самостоятельное рассуждение автора на близкие Соловьеву темы. Своеобразное понятие «Церкви», принадлежащее *Вяч. Иванову*, в сущности, далеко но совпадает с более историческим и конкретным понятием ее у Вл. Соловьева, и автор также отдает дань апологетическому стремлению, затушевывая или смягчая это различие. Статья *Ал. Блока* «Рыцарь-монах» — импрессионистическая заметка, которая и не претендует на анализ мировоззрения Соловьева.

Попытки строго объективной оценки мировоззрения Соловьева дают только статьи кн. *Е. Н. Трубецкого* и *Н. А. Бердяева*. *Е. Н. Трубецкой*, наряду с прекрасным литературным, портретом Соловьева («Личность В. С. Соловьева») дает изложение и критику сущности идеала Вл. Соловьева. («Вл. Соловьев и его дело»). Указав на центральное значение идеи «Богочеловечества» в мировоззрении Соловьева, как на основной и положительный его элемент, *Е. Н. Трубецкой* подчеркивает отмеченное выше своеобразное смешение рационализма с мистицизмом у Соловьева и вытекающие отсюда теоретические и, главное, практические опасности. «Общий источник всех недостатков соловьевского мышления» он видит в «забвении границ двух миров». Практически это сказывается, как справедливо замечает кн. *Е. Н. Трубецкой*, в «глубокой фальши... теократической

идиллии» Вл. Соловьева. Автору принадлежит большая заслуга свободной и решительной критики идеи теократии у Вл. Соловьева. «Теократия» Вл. Соловьева содержит совершенно несостоятельное и практически опасное смешение абсолютного идеала «Царства Божия» с вполне земным (хотя и утопическим) идеалом, клерикалистического самодержавия. В связи с этим Е. Н. Трубецкой подвергает критике славянофильские мечтания Вл. Соловьева о религиозном назначении русского государственного могущества.

С совершенно иной точки зрения критикует мировоззрение Соловьева *Н. А. Бердяев*. Развивая уже высказанную им прежде мысль о принципиальной противоположности между западной и восточной религиозностью, Бердяев указывает на то, что Соловьев недостаточно вдумался в эту противоположность и недооценивал глубину и своеобразие восточной мистики. В статье Бердяева остро ощущается поворот от Вл. Соловьева в новую сторону — именно к тому направлению мысли, которое мы выше назвали возрождением славянофильства. Подобно Е. Н. Трубецкому, Н. А. Бердяев также неудовлетворен рационалистическим мистицизмом Соловьева, но, тогда как Е. Н. Трубецкой склонен «отрезвлять» Вл. Соловьева от «мистификации» земного, Бердяев, напротив, стремится преодолеть излишнюю, по его мнению, трезвость Соловьева усилением мистического обоснования общественного идеала. Здесь обнаруживается довольно существенное разногласие между этими двумя участниками сборника, которое имеет не одно только теоретическое значение, но полагает различие в практическом отношении к действительности. В этих различных оценках значения рационального начала мы имеем — правда, едва лишь намечающееся — столкновение «славянофильской» и «западнической» тенденций в пределах единомышленной, в основах своих идей, группы писателей.

Наибольшее место во всем сборнике (почти половину его) занимает статья *В. Ф. Эрн* «Гносеология В. С. Соловьева». По внешнему виду это есть настоящее исследование, но, к сожалению, по содержанию работа эта носит характер такой неистовой апологетики, которая несовместима с какой-либо объективностью. В. Ф. Эрн произвел, правда, полезную работу, собрав воедино отрывки гносеологических размышлений, разбросанных в различных сочинениях Соловьева; но его воссоздание гносеологии Соловьева, во-первых, произвольно вносит в эту область учения Соловьева ту стройность и законченность, которой фактически в ней все же нет, и, во-вторых, не содержит ни малей-

шего критического отношения к взглядам Соловьева. А между тем именно с точки зрения того философского мировоззрения, на котором стоит Эрн, было бы чрезвычайно существенно дать критическую оценку *рационалистических* черт гносеологии Соловьева, сказавшихся, напр., в его попытке рационально доказать догмат Св. Троицы (о чем упоминает Е. Н. Трубецкой)¹. Что Соловьев сам сознавал недостаточность своей гносеологии, об этом свидетельствуют замечательные посмертные наброски к «Теоретической философии», в которых, вопреки мнению Эрна, в общем явственно обрисовываются очертания новой, строго логической теории познания. Впрочем, суждение, которым Эрн начинает свое исследование — что Соловьев «первый после Платона делает новое громадное открытие в метафизике (именно открытие «вечной женственности»), — достаточно свидетельствует, что автор руководствуется больше своим пылким темпераментом, чем объективным отношением к теме. Ведь, чтобы произвести такое суждение, нужно было забыть не более и не менее как о сей мистической метафизике между Платоном и Вл. Соловьевым.

Будем надеяться, что сознание необходимости «заново ориентироваться в своем прошлом и настоящем, пересмотреть свое идейное наследие и сознательно отнестись к основным явлениям духовной жизни современности» — на что справедливо указывает редакция «Пути» в предисловии к сборнику — побудит писателей этого направления развивать впредь свое мировоззрение в полной духовной свободе и в объективной форме, чуждой всякой апологетики.

